

И. А. Мельчук

КУРС ОБЩЕЙ МОРФОЛОГИИ

Том I

Igor Mel'čuk

COURS
de
MORPHOLOGIE GÉNÉRALE

Volume I

И. А. МЕЛЬЧУК

КУРС ОБЩЕЙ МОРФОЛОГИИ

Том I

ВВЕДЕНИЕ

Часть первая: Слово

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО
Н. Н. ПЕРЦОВОЙ И Е. Н. САВВИНОЙ

ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ
Н. В. ПЕРЦОВА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
А. Е. КИБРИКА

«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH
Sonderband 38/1

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ПРОГРЕСС»

Москва — Вена
1997

ББК 81
М 48

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 97-04-16114

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Института «Открытое общество» (OSI, Budapest),
Института «Открытое общество. Фонд развития» (Россия)

Издательский редактор В. Д. Мазо

Мельчук И. А.

М 48 Курс общей морфологии. Том I: Пер. с фр. / Предисл.
А. Е. Кибрика. Общ. редакция Н. В. Перцова. — Москва —
Вена: «Языки русской культуры», Венский славистический
альманах, Издательская группа «Прогресс», 1997. — 416 с.

ISBN 5-7859-0021-1

ISBN 5-01-003861-7

«Курс общей морфологии» представляет собой КОМПЕНДИУМ современных знаний в области морфологии естественных языков. Объектом его является слово — во всех его смысловых, формальных и комбинаторных аспектах. Для описания свойств и поведения слов в языках Земли разработана дедуктивная система строгих понятий, охватывающих все области морфологии. Основанный как на собственных результатах 30-летних исследований автора, так и на доступных публикациях, «Курс» оказывается совершенно уникальным изданием: в лингвистической литературе не существует труда по морфологии такого охвата.

Книга предназначена для лингвистов всех специальностей и может быть использована в качестве учебного пособия для студентов филологических вузов.

ББК 81

The firm Kubon & Sagner (Heßstraße 39/41 Postfach 34 01 08 D-8000 München 34; fax: (089) 54-218-0; tel: (089) 54-218-218) has an exclusive right on selling this volume (and other volumes 2-4 of this book) outside Russia.

Эксклюзивным правом продажи за пределами России данного тома (а также последующих томов 2-4) обладает фирма Kubon & Sagner, München; тел. (089) 54-218-0, факс (089) 54-218-218.

ISBN 5-7859-0021-1
ISBN 5-01-003861-7

© И. А. Мельчук, 1997
© А/О Издательская группа «Прогресс».
Перевод на русский язык, редактирование,
оригинал-макет, 1997

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

В 1974 году в издательстве «Наука» вышла большая монография Игоря Александровича Мельчука «Опыт теории лингвистических моделей «Смысл—Текст». И вот теперь, 20 лет спустя, отечественный читатель имеет возможность вновь всерьез встретиться с творчеством И.А. Мельчука благодаря настоящему изданию. 20 лет, отделяющие одну публикацию от другой, — казалось бы, что тут особенного? Действительно, если бы речь шла о каком-нибудь другом авторе, двадцатилетний интервал был бы ординарным фактом, примечательным лишь для личной научной биографии самого автора.

Но в данном случае без преувеличения можно сказать, что в нашей науке произошло событие первостепенной значимости: отечественной лингвистике возвращен один из самых славных ее представителей, нарушена наконец эта дорого стоившая нам зона молчания. И это наш общий праздник. Но несмотря на праздничное настроение, нельзя делать вид, что ничего не произошло, и, в духе прежних традиций, создавать вокруг этой зоны очередную зону молчания.

Итак, какова же предыстория данной книги?

Первый вариант «Курса общей морфологии» был подготовлен еще в начале 70-х годов, и уже тогда в рукописи было более сорока печатных листов. «Курс» должен был стать вторым томом «Опыта». Но этой рукописи и ее автору предстояла другая судьба. Произошло неизбежное столкновение Личности (а Мельчук относится к тем редким представителям рода человеческого, которых можно назвать Личностями) и советской Системы, той системы, с которой И.А. Мельчук позволил себе, по любимому его фривольному выражению, не «сливаться в экстазе». Личность всегда индивидуальна, но от индивида ее отличает то, что она аккумулирует в себе энергию и выполняет работу целого коллектива, социума, эпохи, в конечном счете она является делегатом, штандартом этого коллектива, социума, эпохи. В истории нашей науки немало известных имен, но среди них Мельчук занимает особое место, прежде всего масштабом своей личности.

Необыкновенная одаренность И.А. Мельчука была очевидна с его студенческих лет и уже тогда кое-кого настораживала. Блестяще окончив в 1956 году филологический факультет МГУ, он, несмотря на настойчивые рекомендации, не был принят в аспирантуру. Его имя я, зеленый первокурсник, впервые услышал осенью того же года на одном из общефакультетских собраний, где его руководитель Вяч. Вс. Иванов в своем пламенном выступлении осудил эту вопиющую акцию администрации (правда, сам он вскоре после этого был уволен с факультета за отказ участвовать в травле Б. Пастернака). Эту первую неудачу можно

считать (хотя и характерным, но) административным курьезом, так как она не имела сколько-нибудь существенных последствий. Мельчуку тогда повезло в главном: начало его научной деятельности совпало с периодом пробуждения отечественного языкознания от многолетнего маррвского и послемарровского дурмана, с восстановлением в науке права на поиск научной истины, пришедшего на смену поклонению избранным классикам, с открытием свободного доступа к зарубежной научной мысли, со сменой научной парадигмы и возникновением многочисленных новых теоретических направлений. И все эти изменения не только поддерживали и формировали Мельчука, он сам был воплощением этих изменений.

Мельчук относится к той категории людей-первопроходцев, которые ставят перед собой невыполнимые цели, и поэтому совершенно закономерно, что в самом начале своей научной карьеры он занялся областью, до того времени неслыханной, — машинным переводом. Тогда это была первая попытка проверить на практике силу лингвистической теории, но это была *terra incognita*, неизведанная территория: все надо было начинать с нуля, здесь не существовало ни традиций, ни авторитетов. Мельчук не был одинок в этом авантюристическом предприятии, но в отличие от многих, бросившихся в этот лингвистический Клондайк, он вернулся оттуда с бесценным багажом — пониманием того, какой должна быть лингвистическая теория, сопоставимая с поставленной задачей, и с программой построения такой теории. Надо помнить, что в то время у многих разработчиков существовало убеждение, что машинный перевод — задача в значительной мере техническая, зависящая от параметров ЭВМ и искусства программирования. Для Мельчука же с самого начала было очевидно, что занятия машинным переводом на ощупь, без соответствующей теоретической базы беспомощны и бесперспективны.

Он был одним из тех, кто первоочередной задачей прикладных исследований считал кардинальную перестройку всего стиля лингвистического мышления и непосредственно формировал новую научную парадигму, лозунгами которой были — точность, эксплицитность и формализованность.

Сейчас трудно поверить, как стремителен был научный рост И.А. Мельчука. Уже к концу 50-х годов он становится ведущим специалистом в области машинного перевода, математизации лингвистических знаний, точных методов исследования языка. Каждая его новая публикация становилась для широкого круга лингвистов бестселлером. Напомню некоторые из них: «О некоторых типах языковых значений» и «Машинный перевод и лингвистика» (в книге «О точных методах исследования языка». М. Изд. МГУ, 1961), «О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» (ВЯ, 1960, № 4), «О «внутренней флексии» в индоевропейских и семитских языках» (ВЯ, 1963, № 4). Этапной является его книга «Автоматический синтаксический анализ. Т. I. Общие принципы. Внутрисегментный синтаксический анализ» (Новосибирск, 1964). В этой работе не только продемонстрирована органическая связь прикладных задач с общей теорией языка, но и сделан важный шаг в формализации морфологии и синтаксиса русского языка.

В 1962 году заметным событием научной жизни явилась защита И.А. Мельчуком кандидатской диссертации. Обычная рутинная академическая процедура превратилась в захватывающее зрелище. Конференц-зал Института русского языка был переполнен и страстно «болел» за соискателя. Сама диссертация имела весьма необычный для тех времен вид. Вместо переплетенного в коленкор маши-

нописного сочинения — папочка, в которой было сброшюровано полтора десятка опубликованных статей. Научный руководитель (Вяч. Вс. Иванов), отмечая неординарность ситуации, признал, что он скорее учился у соискателя, чем руководил им, а оппоненты А.А.Холодович и А.А.Ляпунов (авторитетнейшие фигуры в научном мире) констатировали, что за любую из включенных в папку статей можно без колебаний присудить степень кандидата наук, а в совокупности их вклад в науку столь значителен, что их автор заслуживает присуждения докторской степени. Формальное препятствие (отсутствие трех оппонентов) вызвался снять Р.И. Аванесов (корифей русистики, один из создателей Московской фонологической школы), готовый немедленно выступить в этой роли. Конечно, сам виновник возникшего замешательства не промолчал, а громогласно заявил, в присущей ему манере, что он надеется, что Совет присудит ему 170 рублей в месяц, а на 300 он не претендует.

Если бы решение зависело от большинства присутствовавших в зале, то справедливость восторжествовала бы и все было бы как в русской сказке. Но ученые мужи не торопились пополнить свою компанию докторов таким беспокойным коллегой, и все увязло в процедурных сложностях.

Мельчуку пообещали скорую новую защиту после выхода в свет его новой книги. Докторская степень И.А. Мельчуку никогда впоследствии не присуждалась, и вопрос об этом не ставился. Исследования И.А. Мельчука в области машинного перевода и поиски обобщающей их научной теории привели его к идее о необходимости дополнения статических моделей языка новым классом — действующими моделями, воспроизводящими языковую деятельность человека. Надо сказать, что эта идея была поистине революционной и не имела аналогов в мировой науке. Она значительно опережала теорию трансформационной порождающей грамматики (завоевавшей к тому времени чрезвычайную популярность на Западе), поскольку порождающая грамматика, как неоднократно подчеркивал ее создатель Н. Хомский, не связана непосредственно с языковой деятельностью, она лишь приписывает языковым выражениям их структурные характеристики.

К концу 60-х годов Мельчуком была создана и довольно детально проработана многоуровневая динамическая модель языка, известная как модель «Смысл—Текст». Это, без преувеличения, было не только личное достижение автора, но и вообще выход отечественного языкознания на передовые рубежи мировой лингвистики, причем не по частному, а по самому кардинальному вопросу. Отдельные компоненты этой теории появились в многочисленных фрагментарных публикациях Мельчука. Научной общественности они были также известны из его устных, часто довольно развернутых выступлений. Продолжая оставаться рядовым научным сотрудником Института языкознания, Мельчук фактически становился неформальным лидером для многочисленных искателей новых путей в науке о языке. Этому содействовали и его способности народного трибуна, непревзойденного оратора, без труда воспламеняющего аудиторию своей убежденностью и страстным отношением к предмету научной мысли. Несомненно, наряду с прочими обстоятельствами той эпохи харизма Мельчука в значительной степени содействовала активной лингвистической научной жизни в Москве, когда многое становилось известным в результате непринужденного устного общения, а зачастую и рождалось в процессе этого общения. Сейчас об этом приходится только ностальгически вспоминать.

Однако при таком весомом вкладе в реальный научный процесс Мельчук не только не имел никаких административных рычагов для воздействия на него, но, напротив, его академическое положение продолжало оставаться весьма заурядным и в некоторых важнейших для ученого вопросах незащищенным. «Бум» вокруг Мельчука не мог не вызывать настороженного и неодобрительного отношения у научного официоза. Все с большим трудом давались публикации. На издание вышеупомянутого «Опыта» ушло шесть лет. Уникальные исследования по созданию новаторского толково-комбинаторного словаря Мельчук вынужден был публиковать в основном в препринтах Института русского языка тиражом в полторы сотни экземпляров (и то лишь благодаря уникальным организаторским способностям большого друга и ценителя таланта Мельчука — В.Ю. Розенцвейга). На публикацию данного «Курса» (в его «московском» варианте) не было совершенно никаких перспектив. Мельчук был лишен возможности преподавать в столичных вузах, хотя ему, как никому другому, было что сказать научной молодежи. Стыдно признаваться, но мне приходилось изловчаться, чтобы те, кто излишне радели об идеологической чистоте студенческой молодежи, не знали об участии И.А. Мельчука в наших факультетских экспедициях на Камчатку.

Такие сложности «научного быта», разумеется, испытывал не один Мельчук. Но в отношении его это было особенно несправедливо и, по большому счету, преступно.

Вместе с тем, будучи Личностью, Мельчук не мог безучастно относиться также и ко всем тогдашним порокам и уродствам общественной и научной жизни, не в состоянии он также был ни абстрагироваться от них, ни приспособиться к ним и нередко занимал такую гражданскую позицию, которая резко расходилась с официально принятой нормой поведения. К середине 70-х годов конфликт Личности и Системы созрел, было ясно, что вместе им не ужиться, но Мельчук сам не стал хлопать дверью и все сделал для того, чтобы Система показала свое истинное лицо. И она его показала. В марте 1976 года И.А. Мельчук был уволен с работы с формулировкой: «... как не соответствующий занимаемой должности». Комизм ситуации состоял в том, что в некотором смысле формулировка была правильной: занимаемая им должность действительно не соответствовала его реальному месту в науке. Но тут было не до шуток. Система дверь таки захлопнула. (Сейчас всем очевидна вздорность реального повода для тогдашнего увольнения: акции протеста Мельчука против политических репрессий А.Д. Сахарова и С.А. Ковалева, но тогда это считалось страшным преступлением против советского общества.)

В этой печальной истории две пострадавшие стороны: Игорь Александрович Мельчук и наша лингвистическая наука. Что касается самого Мельчука, то эмигрировав на Запад и получив место профессора Монреальского университета, он получил и доступ ко всей мировой научной литературе, и общение со студенческой аудиторией, и возможности публиковаться¹, и возможность объездить весь белый свет, — то есть то, что составляет нормальные условия существования ученого.

А наша лингвистическая наука? Основная тяжесть удара пала на нее: одно из ее важнейших направлений лишилось лидера и само было переведено на полулегальное положение (достаточно вспомнить цензурный запрет на цитирование и вообще упоминание имени И.А. Мельчука и санкции к тем, кто этот запрет пытался обходить). Хотя модель «Смысл—Текст» в той или иной степени оставалась для многих отправной точкой, ориентиром, более того — камертоном в самых разнообразных лингвистических занятиях, а у этой модели имелись и непосредственные продолжатели, и хотя ее автор продолжал плодотворную деятельность

за рубежом, тем не менее естественный ход развития этой модели и нашей отечественной лингвистики в целом был в значительной степени подорван. И дело не только в этой модели — просто личное присутствие Мельчука было важным мобилизующим и организующим фактором в научном процессе².

Итак, через 20 лет происходит новая встреча. Конечно, времена изменились, уже нет той Системы, которая не давала возможности Личности осуществить себя, уже давно можно ссылаться на Мельчука, он уже неоднократно приезжал в Россию, читал лекции студентам в МГУ и РГГУ, появились его статьи в «Вопросах языкознания». И все-таки выход в свет (пока только первого тома) такой фундаментальной работы, как «Курс общей морфологии», — это смыкание эпох, это встреча.

Я не считаю в данном случае уместным следовать канонам жанра вступительной статьи: давать развернутую характеристику этому научному произведению, пересказывать его, пояснять, как оно устроено, на что в нем надо обратить особое внимание и т.д. — обо всем этом И.А. Мельчук предусмотрительно позаботился сам и сделал это лучше всякого автора вступительной статьи. В то же время в мои функции не входит критический анализ данной работы: это сделают ее будущие читатели и рецензенты. Поэтому я ограничусь всего тремя соображениями, которые, как мне кажется, в данном случае уместны.

1. В пространной первой главе Введения автор не случайно дает обстоятельную характеристику особенностей данной книги. Действительно, «Курс общей морфологии» и по целям, и по способу видения предмета и полноте его охвата, и по жанру, и даже по объему резко отличается от других работ по общей морфологии³ (что, вообще говоря, нисколько не умаляет их значения). Это труд в своем роде уникальный. Он уникален со многих точек зрения, но я хотел бы выделить одно его качество — идентичность цели и результата. С точки зрения поставленной автором беспрецедентной сверхзадачи (ввиду ее необычайной сложности никто ранее всерьез на ее решение не претендовал) — построить понятийный аппарат морфологического описания языка, опираясь на дефиниционный принцип, — данная работа представляет собой совершенное произведение, что-либо добавить к которому и что-либо изменить в котором без нарушения его цельности вряд ли возможно. Думаю, что данной работе так и суждено остаться уникальной, ибо в ней достигнут предел возможностей данного подхода. Не хочу при этом быть неправильно понятым. Я не утверждаю, что все проблемы морфологии решены в этой книге и этот раздел лингвистики можно считать окончательно построенным. Так не считает и И.А. Мельчук, указывающий в последней главе Первой части, что такие темы, как взаимодействие морфологии с другими компонентами языка, морфологическая типология и морфологическая диахрония, в данной работе не рассматриваются (я бы добавил сюда и проблему организации морфологической памяти в сознании говорящего/слушающего). Все эти аспекты в действительности находятся в самом тесном взаимодействии и влияют на природу и репертуар морфологических знаков. Поэтому не приходится сомневаться, что морфологическая теория будет развиваться и претерпевать все новые изменения. Однако «Курс общей морфологии», несомненно, является существенным этапом в эволюции лингвистической мысли, это некоторая максимальная высота «ландшафта» морфологической теории.

2. Следует особо подчеркнуть одно новшество в дефиниционной теоретико-множественной методологии И.А. Мельчука. Обычно строгое определение объекта предполагает, что существует объективная процедура его идентификации, то есть отличия от других сходных объектов, задаваемых другими, идентифицирующими их дефинициями. Иными словами, предполагается, что определяемые объекты имеют дискретную природу и не пересекаются с другими объектами того же множества. Однако языковые объекты таковыми, как правило, не являются, с чем в первую очередь и связаны перманентные неудачи в построении определений в лингвистике: всегда можно найти языковые примеры, когда жесткое определение в терминах необходимых и достаточных признаков не работает или дает нежелательный результат. Обычно такие случаи либо игнорируются, либо предлагается их условная трактовка. Ни то ни другое для И.А. Мельчука в данной работе неприемлемо: хотя система понятий строится дедуктивно, она проверяется им на богатейшем эмпирическом языковом материале самых разных языков и в конечном счете является для него не чем иным, как экспликацией языковой и лингвистической интуиции. Поэтому основные морфологические понятия (словоформа vs часть словоформы vs группа словоформ, граммема vs дериватема и др.) имеют, по терминологии автора, «расплывчатый» характер. И это не недостаток, а несомненное достоинство работы: соответствующие понятия отражают реальную континуальность шкал, лишь на экстремальных концах которых находятся дискретно противопоставляемые объекты. Так называемые «сложные случаи» образуют самую шкалу, и дискретно поделить ее, как правило, не представляется возможным без огрубления реального положения дел. Таким образом, как мне представляется, избранный И.А. Мельчуком способ построения дефиниций позволяет значительно приблизить их к языковой реальности.
3. Так распорядилась история, что эта книга, первоначально написанная по-русски, в окончательной редакции вышла в свет на французском языке. К нам в Россию она возвращается в переводе с французского. И это накладывает на нее некоторый отпечаток. Хотя автор самым тщательным образом редактировал перевод и проверял корректуру книги, в оригинале она ориентирована в первую очередь на восприятие франкоязычного читателя. Это проявляется в том, что основным языком иллюстративных примеров является французский. Во многих (но далеко не во всех) случаях их можно было бы заменить русскими эквивалентами, но это потребовало бы от автора слишком большой дополнительной работы, несоизмеримой с результатом. Что ж, нам не привыкать: так возвращались к нам Р. Якобсон и Н. Трубецкой в переводах с немецкого, французского и английского. Можно лишь поблагодарить судьбу, что русский перевод в данном случае появляется почти вслед за французским изданием и нам не надо ждать еще двадцать лет. Не сомневаюсь, что это издание найдет себе благодарного читателя в нашей стране, и надеюсь, что ее авторская оценка («Это практически вся моя жизнь») не помешает И.А. Мельчуку написать вслед за ней что-нибудь новое и такое же значительное, и, может быть, на русском языке.

А. Е. Кибрик